

ИСТОРИЯ

УДК 329.5(47+57)«1905/1910»

В. П. Сапон

РОССИЙСКИЕ АНАРХИСТЫ В 1905–1910 гг.: «ПРАКТИКУМ» ПО ЛИБЕРТАРИЗМУ

В процессе борьбы с самодержавным государством за идеалы социальной справедливости и подлинного народного самоуправления российские анархисты стремились не только к разрушению существующего эксплуататорского общества, но и к созиданию прогрессивной общественной альтернативы. Автор статьи поставил своей целью осветить именно конструктивные усилия отечественных антигосударственников по осуществлению принципов либертарного социализма, предпринятые в 1905–1910 гг.

Революция 1905–1907 гг. стала подтверждением многих радикально-либертарных постулатов российских анархистов. Кроме того, резкий скачок в политическом развитии народных масс дал идейным антигосударственникам прекрасную возможность для приложения своих бунтарских сил и реализации партийных замыслов. В работе «Русская революция и анархизм» духовный лидер отечественного анархистского движения П. А. Кропоткин с удовлетворением писал: «Еще вчера нам говорили: «Анархия, быть может, хороша для Западной Европы; но в России, где мы живем в осадном положении, нужна строго централизованная организация». Но при первом же дуновении революции эта мысль, казалось столь твердо установленная, уже успела рухнуть. Централизация русской социал-демократии не только не помешала, но роковым образом привела социалистическую партию к распадению на несколько групп, которых грызня, буквоедство и византийство отвратят от социализма рабочие массы. И наоборот, та мысль, за которую анархистов предавали анафеме, – мысль, что полная независимость каждой группы есть лучший залог единства, чем полное объединение отделов, и группа даст больше единства действия, чем централизация, – эта мысль оказалась до того верною, что все самое главное, что теперь делается в России, делается именно таким путем... Россия начинает представлять именно то, к чему мы всегда стремились, т.е. тысячи отдельных мелких и больших действий, начиная с движения, вызванного в Петербурге Георгием Гапоном и кончая какою-нибудь самою мелкою демонстрациею в глухом городишке или актом сопротивления... человека; единство действия получается не вследствие чьего бы то ни было руководства... все эти централистские утопии оказываются чистейшим вздором, как только дело доходит до революции» [1, л. 27, 32, 33]. По искреннему убеждению анархистского теоретика, спонтанный и децентрализованный характер русской революции вовсе не является проявлением социальной энтропии и аномии. Напротив, они обусловлены не только выстраданными, но и глубоко осознанными антикапиталистическими и противогосударственническими устремлениями народа. «Единство действия является вследствие того, – пишет П. А. Кропоткин, – что враг общества –

капиталист-эксплуататор и что главная его поддержка – государство с его чиновниками. В ту минуту, когда люди начинают бунтоваться, их усилия естественно, неизбежно оказываются направлены против капиталиста и против Государства. Единство действия дается единством стремления, цели, а не начальством. Эти действия исходят не из центра, а представляют плод самостоятельности, самостоятельного почина, анархического, безвластного восстания тысяч и тысяч людей, разбросанных по всей поверхности страны» [1, л. 33].

Антиправительственные выступления политизированных слоев населения зачастую оказались действительно анархическими, но далеко не всегда в том конструктивно-политическом смысле, который подразумевался П. А. Кропоткиным и его единомышленниками. Союз «рыцарей капиталистической наживы» и самодержавного государства также оказался намного более прочным и жизнестойким, нежели представлялось апологетам безвластного коммунизма. По этим причинам анархистам в ходе революции 1905–1907 гг. пришлось слишком часто использовать такие «искусственные» способы подстегивания революции, как экспроприации, покушения на жизнь «царских сатрапов» и даже безмотивный террор, который уносил жизни не только агентов государства, но и случайных людей. Именно такими эпизодами изобилуют разного типа публикации о деятельности анархистов в эпоху Первой русской революции. Вероятно, эскалация взаимного насилия со стороны противоборствующих сторон и нарастание разрушительных элементов в общественной жизни являются закономерным результатом неразрешенного кризиса в социуме. Однако не стоит сбрасывать со счетов и такое важное обстоятельство, что наиболее сознательные представители революционного лагеря (как беспартийные представители социальных низов, так и убежденные приверженцы тех или иных партийных программ) прибегают к активным (часто экстремистским) действиям не только с целью разрушения старого, но и с надеждой на созидание нового. Эта мысль вполне применима по отношению к радикально-революционной деятельности анархистов: в эпоху всеобщего «штурма и натиска» они не только прилагали неимоверные усилия для превращения существующего эксплуататорского общества в руины, но и пытались, насколько позволяли обстоятельства, возвращать либертарные ростки новой справедливой жизни. При этом «апостолы безвластия» неминуемо покушались на «священную» частную собственность и демонстрировали непочтение по отношению к государственной власти, что зачастую влекло за собой обвинения в экстремизме и нигилизме, с одной стороны, и восхищение – с другой.

Так, в Варшаве в самом начале 1905 г. во время стачки пекарей анархисты захватили одну из пекарен и «явочным порядком» ввели в ней рабочий контроль. «Они руководили этой пекарней, удовлетворяли требования служащих, уплатили часть долгов и вели дело до тех пор, пока собственник не пришел с повинной, согласившись удовлетворить все требования рабочих» [2, с. 10]. Примерно в это же время белостокские анархисты и их сторонники провели еще более масштабную «социализацию»: они на какое-то время захватили местечко Крынка – месторасположение нескольких ткацких фабрик. Согласно описанию в журнале «Буревестник», «терроризированная полиция бежала, все правительственные учреждения, такие как почта, телеграф, конторы, были в руках восставших. Анархисты хотели конфисковать денежные суммы, но этому помешали «бундовцы», считая неприкосновенной «общест-

венную собственность» [2, с. 11]. И в дальнейшем Белосток продолжал оставаться полигоном для радикально-либертарных «экспериментов» приверженцев безгосударственного самоуправления.

Например, весной 1905 г. в пролетарских районах Белостока под идейным руководством группы анархистов-коммунистов была введена практика проведения массовых народных собраний, которые становились не только площадкой для агитационной активности, но и выполняли некоторые функции внегосударственного самоуправления. По свидетельству анархиста, бывшего активным участником событий, «кроме рефератов для членов группы и кружков для «сочувствующих», устраивались массовки от 300 до 500 человек каждая; почти каждый вечер на Суражской улице («биржа») начинались дискуссии, постепенно переходившие в митинги. Очень часто эти митинги, в особенности если выступал Стрига или Виктор (Ривкинд, казненный в Варшаве в числе 16), собирали по три и по пять тысяч человек» [3, с. 287]. В июне 1905 г. после трагических событий в Лодзи белостокские эсеры-максималисты предложили анархистам объединить силы для организации всеобщей стачки протеста. Но антигосударственники чувствовали себя настолько уверенно, что отказались от создания блока с левыми союзниками. Анархистам дело представлялось так, что их собственных усилий будет вполне достаточно, чтобы рабочее движение пошло «куда дальше обыкновенной стачки». Именно в это время лидер белостокской группы «коммунаров» Владимир Стрига (Лapidус) начал внедрять в умы своих товарищей по группе и сочувствующих идею «временной коммуны». «Предстояло захватить город, вооружить массы, выдержать тяжелый ряд сражений с войсками, выгнать их за пределы города. Параллельно со всеми этими военными действиями должен был идти все расширяющийся захват фабрик, мастерских и магазинов» [3, с. 288]. Чтобы получить оружие для осуществления военных задач своего плана, белостокские анархисты подготовили ряд экспроприаций, на большее сил уже не хватило.

Одним из очагов практической анархии в 1905 г. стал Урал. Первая группа анархистов (хлебовольческого толка) возникла в Екатеринбурге в 1904 г. Анархисты-коммунисты активно занялись пропагандой на Верхне-Исетском и Нижнетагильском заводах, а также среди крестьян Камышловского уезда. Возможность приступить к практическим радикально-либертарным экспериментам появилась в октябрьские дни 1905 г., когда боевая дружина анархистов объединила свои силы с автономной дружиной эсеров и при поддержке революционно настроенных масс перешла в наступление против местных властей. «Анархисты, вместе с рабочим населением, отовсюду выгоняли полицию, захватывали заводы и фабрики, организуя на них многолюдные митинги. Таким образом рабочие пользовались долгое время полной свободой слова, собраний – войска были мало надежны, а полиция боялась производить аресты и обыски» [4, с. 18].

Позднее, когда в революцию активно вступило крестьянство, анархисты попытались реализовать свои либертарные проекты и в этой социальной среде, причем кое-где не без успеха. Так, в 1906 г. в одном из сел Тифлисской губернии под влиянием анархистской пропаганды при содействии помещика, разделяющего взгляды анархистов, крестьяне, «решив владеть землей на коммунальных началах, уничтожили межи и заборы, разделяющие поля и виноградники, прогнали сельских властей и выстроили общественные

дома и пекарни; в городе они приобрели сельскохозяйственные орудия для ведения коллективной обработки земли» [5, с. 14]. Коммуна просуществовала около 9 месяцев, однако трудно было ожидать, что царские власти будут долго терпеть либертарно-коммунистические эксперименты на подведомственной территории. В конечном итоге грузинских крестьян вновь обратили в подданных, организаторы оказались за решеткой, а в общественных зданиях разместили казаков.

Примеры, подобные приведенным выше, не были многочисленными. Тем не менее, они подтверждают нашу мысль о том, что российские анархисты в своей деятельности руководствовались не только «духом разрушения», но и «духом созидания», энергично стремясь в условиях революции внедрить свои идеологические и организационные проекты в массы. Кое-где идеи безгосударственной и коммунистической самоорганизации находят отклик в достаточно широких слоях рабочих и крестьян, и именно там «экспериментальным» путем осуществляется апробация анархистских теоретических и практических установок, выявляются общественный вес указанной фракции освободительного движения, ее потенциальные возможности в борьбе со старым строем и созидании нового.

По мере таяния идейно-анархистских сил – в результате репрессий, вследствие морального разложения или по другим причинам – оставшиеся верные идеалам анархии активисты все больше отходят от работы в массах и всецело отдаются «боевой деятельности». Те немногочисленные попытки соединения либертарных идей с социальной практикой, которые осуществлялись анархистами в период реакции, либо сразу же попадали в поле зрения полицейского ведомства и пресекались «в зародыше», либо выливались в деятельность, несовместимую с принципами идейного анархизма.

Так, летом 1910 г. Департаменту полиции МВД стало известно об образовании среди анархистских организаций Юга России инициативной группы с целью создания разветвленной Анархистской федерации для борьбы с капиталом и государством. Предполагалось, что таким образом «все желающие работать анархисты» объединятся в структуру, которая «могла бы не только разрушать настоящее, но заключала бы в себе фундамент будущего» [6, л. 9]. В «деструктивном» арсенале предполагаемой Федерации перечислялись традиционные для левых радикалов методы и средства: террор, стачки, забастовки, экспроприации, разрушение государственных учреждений, массовые отказы от повинностей, участие в выступлениях рабочих для того, чтобы «развить эти последние в непрерывные революционные вспышки, которые должны будут наконец зажечь весь современный мир огнем революции» [6, л. 10 об.]. Параллельно с этим планировалась *созидательная* анархистская работа: организация крестьянских и пролетарских кооперативов, которые посредством меновой торговли обслуживали бы многообразные потребности синдикатов (профессиональных объединений) и союзов синдикатов. Не забыли идеологи «Инициативной группы анархистов Юга» и о таких ячейках будущего общества, как новые школы, где дети воспитывались бы в духе «ненависти ко всякому подчинению и к предрассудкам». «Фундаментом будущего» должно было послужить также организационное устройство Федерации, призванной включить в себя: 1) революционные синдикаты рабочих; 2) союз крестьянских братств; 3) союз братств солдат и моряков; 4) братство молодежи (учащихся) и 5) инициативную группу [6, л. 10 об.]. К сожалению,

по доступным нам архивным документам не удалось выяснить, насколько далеко анархисты Юга России сумели продвинуться в воплощении своего смелого замысла и насколько успешным оказалось совмещение деструктивных и конструктивных форм преобразования социальной действительности. Можно предположить, что Департамент полиции сделал все от него зависящее, чтобы прекратить «эксперимент» в самом начале. Тем не менее, показательно само стремление идейных антигосударственников проявить себя не только в качестве разрушителей эксплуататорского строя, но и в качестве строителей новых, справедливых и прогрессивных, форм общежития даже в столь неблагоприятных для либертарных инноваций условиях.

Впрочем, были в тот период и другие образцы «инновационной» активности анархистов, которые вряд ли можно отнести к разряду конструктивного либертаризма. Речь идет о попытках Льва Черного (П. Д. Турчанинова), изобретателя концепции «ассоциационного анархизма», внедрить свою теорию в жизнь. После амнистии, провозглашенной Манифестом 17 октября 1905 г., он перебрался из Восточной Сибири в Москву и приступил к агитационной и организационной работе, однако новообразованная группа «ассоциационеров» была очень быстро ликвидирована жандармами [7, л. 37 об.]. Следующую попытку подкрепить теорию практикой П. Д. Турчанинов предпринял в Туруханском крае, где он оказался осенью 1908 г. после ареста за подготовку крупной экспроприации и нескольких неудачных побегов с места отбывания наказания. «Здесь, на собраниях ссыльных, – гласит справка Охранного отделения за 1909 г., – а также и среди местных крестьян Турчанинов стал проповедовать идеи ассоциационного анархизма, сущность коего:

1) резкая критика существующего политического и экономического строя и образов правления разных государств;

2) отрицание всякой власти, хотя бы власти пролетариата (о каковой власти мечтают социал-демократы);

3) необходимость, в целях введения анархического строя, разрушения всего существующего строя посредством экспроприации капиталов и уничтожения всех государственных людей вплоть до верховных вождей в каждом государстве;

4) в будущем строе должны быть свободные союзы свободных групп в разных областях наук, искусства, торговли и производства, а также и в семейной жизни.

В духе этой теории и на началах «ассоциационного анархизма» Турчанинов выработал проект организации ссылки Туруханского края, причем в план этот непременно входило установление связи Туруханской ссылки со всеми местами ссылок в Сибири, как то: в Тобольской губернии, Якутской области и Нарымском крае – и введение в них такой же формы организации.

По отношению к мерам администрации Туруханского края план, выработанный Турчаниновым, носит чисто боевой характер: не подчиняться никаким распоряжениям администрации и, для противодействия ей, организовать в каждом станке (селении) вооруженные боевые группы.

Жизнь каждой колонии ссыльных Турчанинов проектировал установить тоже на ассоциационных началах, т.е. все материальные средства направлять в общую кассу и жить коммуной, организовать в каждой колонии библиотеки с чисто социалистической литературой, читать возможно чаще

рефераты по анархизму и вербовать сторонников анархизма, боевые же нападения устраивать не иначе, как группами» [7, л. 37 об. – 38 об.]. В конце 1908 г. теоретик ассоциационного анархизма организовал на месте ссылки «коммуну боевиков» в количестве 27 человек, которая до момента своего ареста в начале февраля 1909 г. успела совершить целый ряд убийств и грабежей [7, л. 38 об.]. Таким образом, стремление к вольной жизни в свободной социальной среде на практике вылилось в примитивный бытовой коммунизм и использование криминальных форм борьбы, что было обусловлено как авторитарно-репрессивным характером политического режима царской России (особенно явным в местах лишения свободы), так и максималистской, а в чем-то и прямо экстремистской, направленностью чаяний и действий «апостолов безвластия».

Таким образом, в ходе Первой русской революции и в последующие годы отечественные анархисты приложили немало усилий для того, чтобы перейти от слов к делу, чтобы на практике подготовить почву для осуществления радикально-либертарных лозунгов. В силу ожесточенности взаимного противоборства между репрессивным аппаратом самодержавия и «подпольной Россией» идейные антигосударственники были вынуждены отдать предпочтение экстремистским методам и средствам политической борьбы. Тем не менее, по мере возможности они занимались и конструктивной организаторской деятельностью, направленной на созидание ячеек будущего вольного общества, формирование более справедливых и демократичных социальных отношений.

Список литературы

1. ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 644.
2. **Р-в, Н.** Краткий очерк анархического движения в Польше, Литве и Лифляндии / Н. Р-в // Буревестник. – 1908. – № 9 (февраль). – С. 9–13.
3. **А. С.** Чернознаменцы и безначальцы / А. С. // Михаилу Бакунину. 1876–1926: очерки истории анархического движения в России : сборник статей. – М. : Голос труда, 1926. – С. 279–297.
4. **С.** Из хроники анархистского движения в Северной России (1904–1907 гг.) / С. // Буревестник. – 1908. – № 13 (октябрь). – С. 17–18.
5. **Горев, Б. И.** Анархисты, максималисты и махаевцы: анархические течения в Первой русской революции / Б. И. Горев. – Пг. : Книга, 1918. – 69 с.
6. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 918. Оп. 9. Д. 33.
7. ЦАНО. Ф. 916. Оп. 4. Д. 8.